

УДК 81'37

ЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

© Р. Г. Алсынбаева

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета
Россия, Республика Башкортостан, 452681 г. Нефтекамск, ул. Тракторная, 1.
Тел./факс: +7 (34783) 235 80.
E-mail: rial-09@mail.ru

В статье говорится о семантической категории модальности, которая выражает отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, соотношенность высказывания с действительностью. Эта проблема имеет существенное значение не только для лингвистики, но и для логики, так как категория модальности принадлежит к той области языковых явлений, где их связь с логическим строем мышления оказывается наиболее непосредственной.

Ключевые слова: языковая модальность, логическая категория модальности, модальное значение.

Модальность представляет собой один из феноменов, которые наряду с бесспорностью своего существования в языке постоянно ускользают от более или менее четкого определения. Само понятие модальности охватывает широкий ареал явлений, служащих объектом изучения не только в различных отраслях лингвистики, но и в других науках, в первую очередь, философии и логике.

Языковая модальность есть отражение и выражение отношений языкового мира, это комплексная категория, включающая некую совокупность содержательных значений, выражаемых элементами разных языковых уровней, которые имеют синтаксические функции как элементы структуры предложения, но не сводятся к ним. «Конституенты функционально-семантической подсистемы модальности, – отмечает Е. И. Беляева, – образуют систему языковых вариантов, “языковой репертуар” категории, из которого говорящий черпает формы выражения модальных отношений в процессе общения» [1, с. 3].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» модальность квалифицируется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [2, с. 320].

Понятие модальности и сам термин «модальность» находят различную трактовку в учении о языке. Ассоциируясь с логической категорией модальности, эта языковая категория трактуется некоторыми учеными как сугубо логическая категория. Грамматическая категория модальности, конечно, тесно связана с соответствующей категорией логики. В основе деления логических суждений по модальности, т.е. по характеру отношения между признаками и предметами, лежит принцип реальности и нереальности связей между его двумя компонентами. Суждение, как известно, есть «утверждение или отрицание чего-либо» [3, с. 6]. При помощи суждения «...посредством утверждения или отрицания для человеческого ума раскрывается наличие

или отсутствие того или иного признака или признаков у предмета, явления» [4, с. 16]. Отражая связи и отношения предметов и явления реального, объективного мира, суждение как форма мышления способно фиксировать в себе определенные оттенки связей между предметом и признаком. «Давая в суждении ту или иную характеристику предмета, мы либо просто констатируем факт принадлежности (непринадлежности) указанного в предикате признака предмету, либо же уясняем также и то, является ли указанный признак таким, который относится к предмету суждения как нечто или возможное или необходимое. В соответствии с этим суждения по характеру отношения между предметом и признаком предмета делятся на суждения: 1) действительности, 2) возможности, 3) необходимости» [3, с. 96].

Предложение, которое является языковой формой выражения суждения, естественно отражает в себе специфику связей и отношений членов суждения, и отражение это находит свое выражение в языковой категории модальности. Однако модальность в языке многими своими особенностями отличается от модальности в логике. Если модальность в логике определяется характером отношения между признаком и предметом, то в языке модальность выступает как оценка соотношенности всего высказывания с реальной действительностью с точки зрения говорящего лица.

«Конечно, модальность высказывания в языке в какой-то степени связана с характером логической модальности, т.е. характером отношений между предметом и признаком суждения, однако в языке эти отношения не находят своего адекватного отражения уже хотя бы потому, что понятие признака в логике намного шире понятия признака в грамматике. Сам характер модальности в логике же всегда соответствует характеру аналогичной модальности в языке» [5, с. 31]. Как известно, модальность является необходимым признаком любого предложения в языке. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктив-

ный признак, модальное значение, т.е. содержит указание на отношение к действительности» [6, с. 41]. Поскольку модальность является признаком любого высказывания в языке, т.е. поскольку она характеризует любое предложение, независимо от его функциональной целенаправленности, постольку задачи и функции языковой модальности намного шире задач таковых в области логики, где по модальному признаку дифференцируются различные суждения, находящие свое выражение лишь в повествовательных предложениях.

Таким образом, модальность в логике и языковая модальность, будучи очень тесно связаны генетически, тем не менее, резко отличаются друг от друга, как по своему общему, так и по своим отдельным значениям. Язык, призванный выполнять в обществе чисто коммуникативные функции и служить таким образом орудием общения человека, уже по одному этому должен выражать намного более широкий объем модальных значений, включающих в себя порой даже различные эмоционально-экспрессивные и другие оттенки высказывания. И сообразно своим функциям язык создает на базе своих лексико-грамматических закономерностей дополнительные категории, призванные выражать те значения и семантические нюансы высказывания, от которых логика отвлекается, которые логика на сегодняшний день не учитывает и не фиксирует в форме своих логических категорий.

Выражая модальные значения, генетически связанные с категориями логической модальности, язык не только привносит дополнительные оттенки и нюансы в языковые выразители этих категорий, но, расширяя границы модальных знаний, создает новые формы, выражающие различные виды модальности, не зафиксированные в логике. «Если логика удовлетворяется тремя видами модальности (возможность, действительность, необходимость), то лингвистика обязана выделить на основании изучения семантики языковых форм отграниченные внутри себя различные степени этих категорий, правильно распределив их в пределах общих категорий» [7, с. 97].

Благодаря чрезвычайно широкому диапазону этой категории, модальность понимается и определяется учеными самым различным образом. В отечественном языкознании концепция модальности как важная семантическая категория, раскрывающая отношение содержания предложения (высказывания) к действительности, была впервые сформулирована и изложена применительно к современному русскому языку академиком В. В. Виноградовым. Им же была суммарно очерчена их функциональная иерархия [6, с. 38–87]. В зарубежном языкознании начальный этап в изучении данной категории связан с именем французского лингвиста Ш. Балли, сделавшего принципиально важное замечание о том, что «нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не об-

наружено хоть какое-либо выражение модальности» [8, с. 44]. Именно Ш. Балли принадлежит выделение в смысловой структуре предложения диктума (объективной семантической константы), ставшего в дальнейшем основным для различения двух типов модальности – объективной и субъективной.

Беспорная значимость роли категории модальности в формировании высказывания послужила толчком для ее активного изучения в последующие годы, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, а сложность и многоаспектность ее содержательной природы способствовала появлению самых различных точек зрения относительно семантического объема данной категории. Все многообразие данных точек зрения можно свести к двум, различающимся по степени широты подхода в трактовке модальности.

Согласно первому, узкому подходу, языковая модальность понимается как прямая аналогия модальности суждения; будучи семантической категорией, она «реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения». Данная точка зрения не имеет широкого распространения, ибо она сводит языковую модальность к логической модальности суждения, ограничивая ее выделяемыми в формальной логике значениями возможности, необходимости и действительности [7, с. 94–98].

Согласно второму, широкому подходу (идущему от Ш. Балли и В. Виноградова), в содержательный объем модальности включаются значения реальности/нереальности, утверждения/отрицания, достоверности, вероятности, необходимости, возможности, желательности, а также значения побуждения и волеизъявления [9, с. 25].

Подобная широта в подходе к пониманию семантического объема модальности закономерно приводит исследователей к попыткам ограничить или упорядочить комплекс значений, входящей в ее состав, установить структурно-функциональную иерархию отдельных семантических пластов модальности в содержательной структуре предложения. Значительный шаг на этом пути сделала Г. А. Золотова, которая, опираясь на концепцию модальности, предложенную В. В. Виноградовым, выделяет три аспекта модальных отношений: 1) отношение содержания высказывания к действительности в плане его реальности/ирреальности с точки зрения говорящего – объективная модальность; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания в плане его достоверности/недостоверности – субъективная модальность; 3) отношение между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком) – по терминологии автора, внутрисинтаксическая модальность. При этом первый план модальности Г. А. Золотова считает обязательным, конструктивным признаком

предложения, определяющим его модальную характеристику, а значения данного модального плана рассматривает в качестве инвариантных [10, с. 140–157].

Указанная классификация (в некоторых случаях с небольшими коррективами в наименованиях отдельных модальных аспектов) получила поддержку и развитие у многих исследователей.

Как уже отмечалось, большое внимание на развитие теории модальности оказало исследование академика В. В. Виноградова, который рассматривал модальность как семантическую категорию широкого объема. Он включил в нее 5 значений, а именно: 1) значения, относящиеся к целевой установке говорящего (или к коммуникативной функции высказывания); 2) оценка говорящим содержания пропорции с точки зрения реальности/нереальности (гипотетичность, потенциальность и т.д.); 3) оценка говорящим пропозиционного действия с точки зрения его возможности, необходимости, желательности для субъекта пропозиции; 4) значения утверждения/отрицания; 5) оценочные значения двух типов: а) оценка говорящим события, названного в качестве возможного, необходимого или желательного; б) оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого. Существует еще одно значение модальности, а именно эмоциональное или качественная оценка говорящим [6, с. 66].

Отечественные лингвисты Н. Д. Арутюнова, О. И. Москальская, В. Г. Гак, Ю. С. Блок также определяют модальность как отношение говорящего к действительности, выделяя при этом эмоционально-экспрессивный план.

При изучении модальности Н. Арутюнова, например, большое значение придает семантическому подходу. В центре ее исследования находятся глаголы с их значениями, которые она делит на три группы, обозначающие: 1) статическую ситуацию; 2) процесс; 3) события [11, с. 9].

В работах О. И. Москальской при изучении модальности учитывается контекстное окружение и речевая ситуация, то есть моменты собственно текстовые [12, с. 117].

Рассматривая модальность как языковую и логическую категории, как «отношение говорящего к действительности», В. Г. Гак указывает на различие этих категорий. Так, в логической модальности находят отражение необходимые, действительные или возможные связи, существующие между предметами и явлениями реальной действительности и не зависящие от оценки говорящего субъекта. Языковая же модальность получает адекватное определение только в том случае, если учитывается несоответствие данной категории с говорящим субъектом [13, с. 127–132].

Ю. С. Степанов связывает категорию модальности с говорящим субъектом, определяя модальность с позиции семиологической грамматики как

«представления действительности с точки зрения субъекта речи – “я” говорящего» [14, с. 241].

Определяя модальность как «семантику отношения денотатов к действительности, М. Я. Блох указывает, что модальность может «выявляться как в области грамматико-строєвых элементов языка, так и в области его лексико-номинативных элементов». Он связывает модальность с проявлениями различных эмоций чувств и оценок [15, с. 98].

Для Т. П. Ломтева модальность предложения является категорией грамматической, и средствами ее выражения служат различные модели построения предложений, а не различия в формах глагольных окончаний. Он различает два типа модальности, в зависимости от наличия или отсутствия отношения говорящего к истинности или ложности высказывания. Это модальность полной или ослабленной уверенности и модальность нейтральности. Средством выражения модальности полной или ослабленной уверенности являются модели предложения, содержащие вводные слова и выражения: *Он, кажется, много читает*. Модальность нейтральности характеризуется отсутствием в моделях предложений модальных слов и выражений: *Он много читает* [16, с. 118].

Приведенные и подобные попытки конкретизировать и иерархически упорядочить комплекс модальных значений предложения в известной степени способствуют уточнению семантической природы модальности, но вместе с тем отсутствуют не вполне решенным ряд относящихся к ней важных вопросов. Так, прослеживается стремление проводить анализ языковой категории модальности в непосредственной связи с логической модальностью и той формой мышления, которой она свойственна, т.е. суждением. Однако вопрос о характере взаимоотношений языковой модальности и модальности суждения является дискуссионным. Некоторыми учеными, например, данные модальности отождествляются. В частности, Г. В. Колшанский ограничивает модальность значениями возможности, необходимости, действительности, выделяемыми в формальной логике [7, с. 34–45]. Этому подходу противостоит точка зрения В. З. Панфилова, содержащая более широкое понимание характера связи языковой и логической модальностей. Он выделяет применительно к языку в качестве бесспорно модальных два типа значений: объективную (онтологическую) и субъективную (персуазивную) модальности [17, с. 39].

Итак, рассмотрев различные точки зрения на модальность логиков и лингвистов, можно констатировать, что и те и другие выделяли одни и те же категории модальности, а именно: объективную и субъективную, но по-разному их толковали. Логики расценивали модальность как «истину» и «ложь», то есть то, что реально и ирреально. А лингвисты рассматривали модальность как отношение говорящего к действительности. При этом разные

авторы, каждый по-своему, определяли понятие модальности. В целом, точки зрения исследователей совпадают в том, что модальность «принадлежит к числу основных категорий языка, то есть является языковой универсалией, и выражает различные виды отношений высказывания к действительности» [2, с. 303].

Модальность, таким образом, определяется как «языковая категория, выражающая оценки говорящим способа существования связи между объектом действительности и его признаком (объективная модальность), а также степени познания этой связи говорящим (субъективная модальность)» [1, с. 3]. При этом в пределах объективной модальности принято выделять собственно алетическую модальность, выражающую признак, принадлежащие предметам и явлениям действительности и отраженные в сознании человека и деонтическую модальность, имеющую характер предписания со стороны соответствия каким-либо нормам [17, с. 37–48].

Категории модальности присуще постоянное совершенствование и пополнение все возрастающим числом единиц, выражающих отношение носителя языка, отправителя речи к форме и содержанию реализации знаками языка своей или трансформируемой мысли в процессе общения. В сферу модальности включаются слова-глаголы, краткие прилагательные и предикативы – своими лексическими значениями, выражающие возможность, желание, долженствование, необходимость или вынужденность и т.д.; это такие слова, как *можно, нельзя, надо, нужно, необходимо, может, желает, надлежит*. Предложения, содержащие такие модально значимые слова, находятся в системных, формальных и семантических соотношениях с теми формами предложений, которые синтаксически выражают объективно-модальные значения, близкие к лексической семантике перечисленных слов.

Таким образом, модальность – это соотносительность содержания высказывания с объективной действительностью не в плане определения характера человеческих эмоций, а отношение содержания предложения к действительности в плане его реальности и нереальности, возможности и необходимости, а также побудительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е. И. Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. 180 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
3. Таванец П. В. Вопросы теории суждения. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 194 с.
4. Попов П. С. Предложение и суждение // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 5–35.
5. Агазаде Н. К. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1965. 183 с.
6. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследование по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
7. Колшанский К. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. №1. С. 94–98.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 2001. 416 с.
9. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Рюпа, 1978. 160 с.
10. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: КомКнига, 2005. 350 с.
11. Арупонова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 2003. 384 с.
12. Москальская О. И. Грамматика теста. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
13. Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Наука, 2000. С. 127–134.
14. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 361 с.
15. Блох М. Я. Вопросы изучения грамматического строя языка. М.: МГПИ, 1976. 108 с.
16. Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1979. 198 с.
17. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. №4. С. 37–48.

Поступила в редакцию 22.01.2013 г.